№ 37
СЕНТЯБРЬ

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ НОМЕР

ЦЕНА 15 КОП.
1927 ГОД

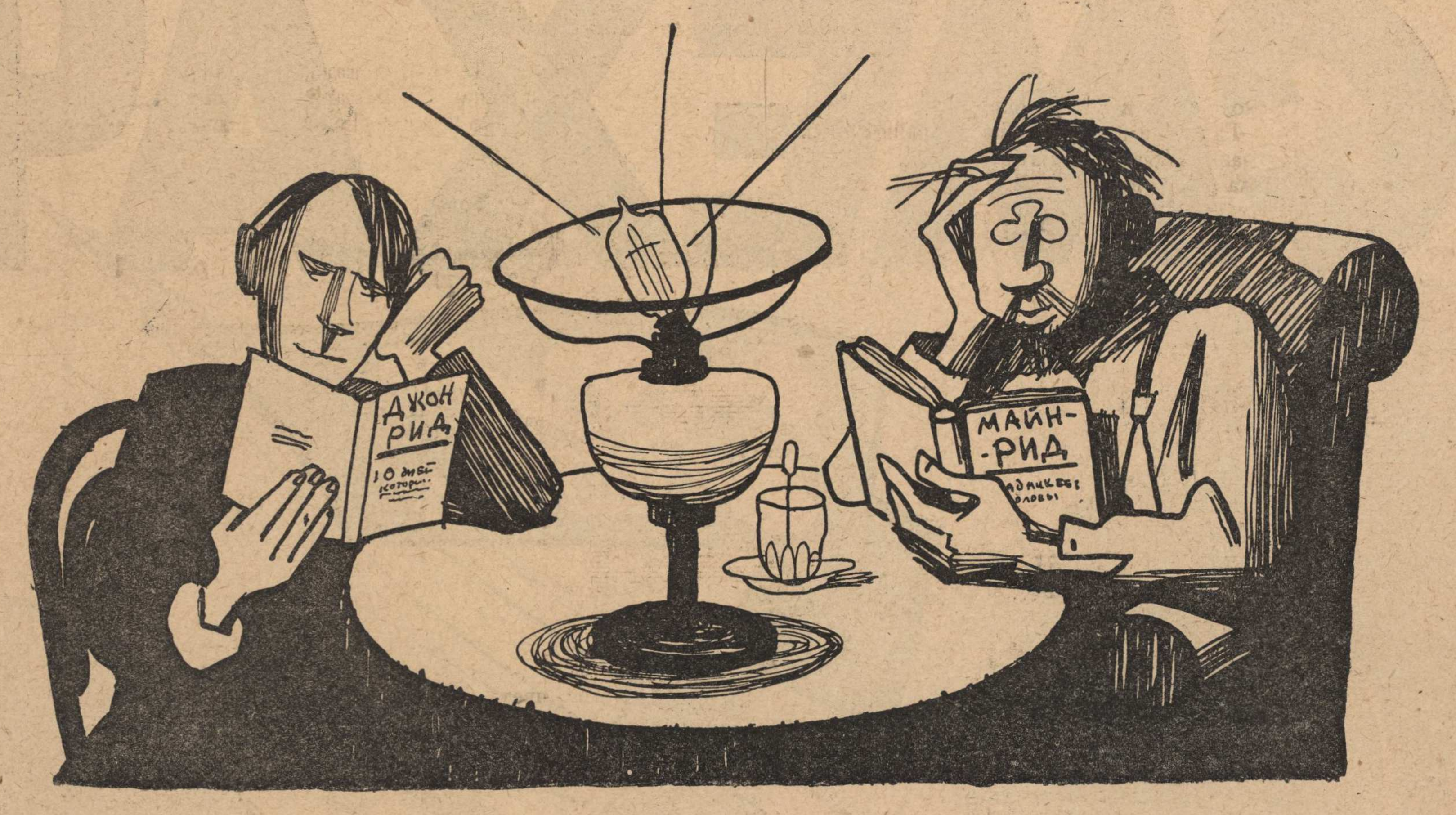

ПОД СТАРЫМ ЗНАМЕНЕМ

Рис. М. Черемных

Обложка к авантюрному роману „Пират морей“.

Рис. Б. Малаховского

Два поколения

ПОХОЖДЕНИЯ РЫЖЕВАТОЙ ДЕВИЦЫ

ВАМ надоела приключенческая литература. Очень рад за вас. Мне она тоже оскомину набила.

Дикие свиньи и аналогичные фашисты, международные вагоны и не менее международные шпики, разоблаченные шифры и такие же дамы—все это подается ныне к читательскому столу в очень больших порциях. И никакого режима экономии на эти предметы роскоши в перспективе не видать. Тяжело!

А между тем действительность давно перещеголяла авантюрную литературу. Ни за какие коврижки, ни за какую полистную оплату писателю не выдумать таких комбинаций и трюков, на которые наша жизнь такая мастерица.

Возьмем, например, эту самую историю с рыжеватой девицей. Замечательная история. Откровенно говоря, это—не девица, а клад, тема, сюжет.

Белогвардейская газета „Возрождение" посвятила ей несколько очень теплых и прочувствованных строк.

Как хорошо чувствуют себя ныне такие писатели, как Тургенев, или, скажем, Гете. Они ухитрились умереть своевременно. Но каково, товарищи и граждане, ныне здравствующим рыцарям пера! Стыдно им. Они так никогда не напишут, как пишут некоторые эмигрантские старички в „Возрождении". Имеющий уши да слышит!

„Есть на земле правда подспудная, ход жизни по корневищам неведомым, поступь тихая и молчание,—там в самой глубине, где слышно, как растет трава"...

Каков же этот ход жизни по корневищам? Откуда он взялся? И почему автор-монархист вдруг запел петухом так энергично и сладостно?

Всему вина—рыжеватая девица.

Появилась она недавно в Польше, на окраинах, в белорусских деревнях.

По всем статьям выходит, что эта девица имеет крупный дефицит в области благодетели. На русском языке—не малое количество выразительных слов, метко характеризующих род профессии подобных девиц. Имеются такие слова и на польском, и на белорусском языках. Да и на других языках.

Но рыжеватая девица захотела быть оригинальной. А потому она назвала себя:

— Великой княжной.

Заявилась в деревни и так прямо и сказала:

— Я—великая княжна Ольга, дочь бывшего русского царя Николая.

— Как же это так?—спрашивают у нее.—Ведь Ольгу-то того .. расстреляли.

— Трижды стреляли в меня,—отвечает девица,—но я трижды выжила.

Такой способный человек! Ей бы в тир поступить на должность мишени—большой имела бы успех!

В другой белогвардейской газетке, в „Руле", помещен большая корреспонденция об этой девице:

„Она действительно похожа,—радостно сообщает корреспондент,—на великую княжну Ольгу Николаевну, особенно под вечер, когда сумерки скрадывают слегка рыжеватый оттенок волос".

Чем же эта новоявленная княжна занимается в деревнях? Работенка небольшая у нее имеется. Но надо признаться: очень странная и двусмысленная работа:

„Крестьянам, собирающимся вечерами в ее хату, она показывает следы ран на своем теле".

Много ли охотников ходить на это зрелище—не знаем. Но полагаем, что количество их весьма ограничено. Ибо корреспондент „Руля" сообщает:

„Когда она говорит, видны недостающие спереди зубы. „Это мне красноармеец винтовкой выбил",—рассказывает княжна".

Как характеризует белая печать эту беззубую авантюристку? Она не говорит о том, что это—действительно княжна. Таким глупостям уже никто не верит. Она говорит:—да, это—авантюристка, но побольше бы таких! Кто следующий?

„Возрождение", не спадая со своего высокоторжественного тона, поет:

„Еще одна авантюристка, еще одна незнакомка, и ч т о - т о   п р е к р а с н о е   е с т ь   в   э т о м   в и д е н и и бледной, слегка рыжеватой, с похудевшим лицом, великой княжны Ольги"...

„Иллюзия императорской жизни" — единственно. что осталось у белогвардейцев. Хоть плохонькая, хоть истрепанная, хоть завалящая, хоть бы заведомая авантюристка—но „что-то прекрасное есть в этом видении"...

Представьте себе взрослого человека, скачущего верхом на метле по улице и радующегося тому, что метла напоминает ему реквизированного у него скакуна.

Зачем читать „Тарзаны", когда действитильность разнообразней и на разные выдумки изобретательней всякой литературы?

Г. Рыклин

ЧУДЕСНАЯ СТРАНА

(В порядке переоценки ценностей)

1.

О, молодость далекая моя, —
Брет-Гарты, и Жюль-Верны, и Майн-Риды...
Не раз воображения ладья
Плыла в лагуны голубой Флориды
И рыскала, не зная якорей,
Среди акул — и пальм — и дикарей!

2.

О, молодость далекая моя,—
Чудесных стран полуоткрытый берег...
Мне ль совестно признаться в том, что я
Раз десять бегал в поисках Америк
И „загонял", чтоб оплатить билет,
Отцовский зонт и материнский плед!

3.

Я не достиг американских вод,
Роскошных флор и необычных фаун.
Не видел я, как старый пароход
Сажал на мель суровый шкипер Браун.
И — вскормленыш далеких Оризон —
Ни разу не топтал меня бизон.

4.

Я вырос так, как мог, и там, где мог —
Не слышав чужеземного наречья.
И были мне, как клетка и замок,
Проулки и дома Замоскворечья.
И вот теперь растут мои птенцы...
Эй, вы! Когда же в дальние концы?

5.

Но что за чорт? Сережка-пионер,
Чей русый чубик что ни день задорней,
Не хочет на проверенный манер
Искать Флорид и жаждать Калифорний.
Вы поглядите, как зарделся весь:
— Страна чудес? Да это ж, папа, здесь!

6.

Что ты болтаешь, глупое дитя?
С каких же пор... А впрочем... В самом деле:
По океанам весело свистя,
Ведь это ж к нам — неделя от недели —
Сгоняют ост, и норд, и зюд, и вест
Паломников из чужедальних мест!

7.

Ведь это же про наш суровый край,
Мечась ночами в беспокойном бреде,
Как про чудесный неизвестный рай
Бормочут Шарли, Фрицхены и Фредди —
И к нам стремятся от заморских скверн...
Н-да-с! Это вам, простите, не Жюль-Верн!

8.

О, молодость далекая моя!
Пусть не сумел задор твой уберечь я —
Но жизнь сама раздвинула края
Бесцветных пустырей Замоскворечья,
И лопухи взрастила, как цветы,
И сделала Москву — Страной Мечты.

9.

Уж не Сережки видят по ночам
Костры ацтеков и лассо ковбоев —
А оризонцы рвутся к москвичам,
А иллинойсцы видят в нас героев
И верят, что вращается земля
Вокруг твердынь рабочего Кремля!

А. д'Актиль

ЗУБЫ ХИЩНИКА

Рис. Ю. Ганфа

— Послушайте, туземцы, где-же ваша трубка мира?
— В зубах у Чемберлена!

НЕКУДА ПРИСТРОИТЬ

Рис. Н. Радлова.

ПИСАТЕЛЬ: — Ух! Кажется, для всего нашел место. Вот только идеологию некуда пристроить.

40 ЧЕЛОВЕК И 8 ЛОШАДЕЙ

Спокойный дебош

— Я дал ему в морду и отпустил с миром, — говорил некогда опытный в таких делах человек.

Тоже самое с неменьшим успехом может повторить председатель Б.-Копенского сельсовета (Саратовской губ.), тов. Синицын.

Случилось так, что пред. выпил на какой-то вечеринке, вошел в раж и затеял драку. Очевидцы утверждают, что это была замечательная драка: били друг друга бутылками, пустыми и полными; даже табуретку,—на что, кажись, деревянный предмет,—и ту пустили в ход.

Вся эта история попала в газету. Вязовский волисполком немедленно послал своего члена Горячева расследовать это дело. Горячев расследовал и доложил:

> Синицын, действительно, напился в дым и дрался на улице. Однако, во время драки скопления народа и дебоша не было. Все происходило в спокойной обстановке.

И действительно: откуда взяться дебошу во время драки? Очень было все спокойно: даже кровь лилась потихоньку.

Цилиндром к деревне

В Дагестане живет и функционирует Хошманзильское сел.-хоз. товарищество.

Получило товарищество около 18 тысяч рублей для выдачи крестьянам кредита на постройку домов и приобретение рабочего скота. Мудрецы из правления решили: незачем выдавать крестьянам деньгами, надо снабдить деревню хорошими вещами. Деньги еще потерять можно, а вещь — это... вещь. А поэтому:

> Кредит выдавался крестьянам разными, совершенно ненужными товарами, эмалированной посудой, костюмами... Так, например, Магир-Янгиль-Оглы часть своей ссуды получил ботинками и чайниками.

Одному же счастливцу попался цилиндр. Так все лето и работал он в поле: в цилиндре с сохой. Урожаю сие не способствовало. Авторитету с.-х. товарищества тоже. Говорят, что крестьяне собираются дать каждому из членов правления — по цилиндру? Нет! По шапке...

ДО И ПОСЛЕ

Царица львов

Я охотился тогда на львов в пустыне Сахаре. Мой слуга Али был отличный араб-бедуин. Он никогда не слезал с верблюда. На верблюде он ел, спал, молился и охотился.

Говорил Али почти на всех языках и даже немножко по арабски. Меня он любил за необычайную доброту и уважал за меткость стрельбы. Я в то время из револьвера попадал в летящую муху.

Однажды вечером в палатку мою влетает Али. Конечно, на верблюде.

Благоговейно помолился на восток. Потом говорит:

— Саиб! (по арабски—господин). Сегодня ночью не спи. Сегодня ночью у львов коронация будет.

— Какая коронация?— удивился я.

— Такая самая, как у всех. Царицу новую короновать будут. Старую ты вчера застрелил.

Я рассмеялся. Мой смех обидел Али.

— Не смейся, саиб! — сказал он солидно: — Аллах вложил кусок своей мудрости и в глупого зверя. Он научил его, как надо править народом, хотя бы и звериным. И зверь знает, что без царя нельзя. Вот увидишь сегодня ночью...

— Как же я увижу?

— Мы пойдем на коронацию. В эту ночь у зверей как бы амнистия. Никто друг друга не трогает. И нас не тронут.

Ночь была светлая. Почти три четверти всей луны было отпущено в эту ночь на Сахару... Уже с десяти часов, точно по звонку, к центру пустыни стали стягиваться звери, птицы и пресмыкающиеся.

Мы пошли за ними.

В центре центра пустыни лежали рядышком два огромных слона. В хоботах у них были громадные пальмовые листья.

Вокруг них толпились львы, тигры, обезьяны, лоси, олени, волки и тюлени.

Ровно в двенадцать, когда часы пробили последний удар, показались три льва, из которых одна была львицей.

Заплясали змеи, заревели звери, закричали обезьяны. Слоны стали обмахивать львицу пальмовыми листьями.

К ногам львицы подполз громадный удав, и встав на хвост, замер в виде скипетра. Львица взяла его в правую лапу.

Я был поражен и умилен премудростью господней. Я воочию убедился, как мудро устроен мир, и с благоговением думал:

Слепые человеки! Не сам ли перст господний указует вам, како чтити монарха?..

Выборы в пустыне

Я охотился тогда в пустыне Сахаре.

Однажды вечером в палатку мою влетает Али. Конечно, на верблюде.

С презрением плюнул на восток (верблюд тоже плюнул). Потом говорит:

— Саиб! (по арабски саиб: — товарищ!) Сегодня ночью не спи. Предпустыни выбирают.

Я рассмеялся. Мой смех обидел Али.

— Не смейся, саиб, — сказал он серьезно, — природа мудра. Она наделила своей мудростью даже обитателей пустыни. Она научила их инстинктом любить свободу.

В центре центра пустыни стояла кенгуру. Все подходили и клали в сумку (у кенгуру имеется сумка, в которой она носит своих детенышей — кенгурушек едвали не до самой их свадьбы) кусочки пальмового листа. На каждом кусочке было что-то нацарапано.

Когда сумка была полна, и никто больше не подходил, кенгуру отряхнула сумку. Подошли две очковые змеи и, поправив очки, стали читать и считать.

Когда все было кончено, на середину вышел слон и поднял хобот.

Сразу пустыня стала кричать от восторга: предпустыни был избран.

Я думал:

— Прав Али! Природа мудра. Не указывает-ли она нам перстом своим, как велик инстинкт свободы и как надо чтить ее!..

Товарищ Леопардов

Я охотился тогда в пустыне Сахаре.

Мой Али... (читай до „однажды вечером").

ПЛАНЕТА БЕЗ НАЧАЛЬСТВА

Рис. Н. Радлова

— Как вы думаете, на Марсе есть люди?

— Не думаю. Судя по тому, что в списке наших представительств Марс не значится, там людей нет.

Али сказал:

— С тобой хочет познакомиться тов. Леопардов, председатель местного совета.

— Проси.

От автора

Читатель! Понравились-ли тебе рассказики или нет — мне безразлично: не я их сочинял. Я их заимствовал из „приключенческих" журналов.

Первый рассказ был напечатан в „приключенческом" журнале в 1916 году. Второй был напечатан в журнале приключений того-же названия, но с прибавлением „красный" два года тому назад. Третий... Третий будет напечатан, вероятно, в „приключенческом" журнале этак годика через два. Приключенческие журналы, как видит теперь читатель, идут в ногу с временем.

О. Л. Д'Ор

ВЕЛИКИЙ ФАНТАСТ

Рис. М. Черемных

ЖЮЛЬ-ВЕРН: — Я предсказывал, но не думал, что они так серьезно отнесутся к моим мирным фантазиям!

СТОЙКОСТЬ ПРИВЫЧЕК

Рис. А. Радакова

— Да я же по командировке.
— А мы тебя все равно с'едим.
— Подождите хоть три дня: все-таки суточные набегут!

ГРЕХИ ПРОШЛОГО

Захлопнув книгу авантюрного романа, двадцатилетний юноша Василий Заец вышел на улицу.

Темная ночь сулила Василию уйму ощущений, денег и славы. План был такой: ограбить богатого банкира, потом вскочить в автомобиль и, удрав от бешеной погони, заняться похищением любимой девушки Нюрки Брызжейко. Дальнейшее представлялось энергичному юноше менее отчетливо. С одной стороны, прельщала возможность, тайно обвенчавшись с Нюркой, увезти ее от родительского гнева на Соломоновы Острова и зажить тихой жизнью плантатора, тщательно скрывающего „грехи прошлого". С другой стороны, представлялась заманчивая перспектива окончить жизнь на электрическом стуле.

Василий лег животом на пыльный тротуар и прополз, как змея, несколько ярдов. Добравшись до угла, юноша оглянулся по сторонам и тихо свистнул. Раздался ответный свист. Тень Васильева сообщника, Витьки Зловунова, отделилась от серой стены и скользнула навстречу Василию.

— Гав ду-ду, — приветствовал Витька своего патрона, — есть новости, капитан.

— Говори, Стенли, я слушаю.

— Я весь день следил за банкиром.

— Ну?

— Он держит наличность дома.

— Оль-райт. Старый сатир не уйдет от карающей руки Реджинальда Смита. Ха-ха-ха... Револьверы в порядке?

— В порядке, капитан. Добрая пинта машинного масла предохранит их от нежелательных осечек.

— Оль-райт. Мы славно поработаем этой ночью, милый Стенли... Передал записку моей маленькой Веронике?

— Передал, капитан. Нюрк... Маленькая Вероника будет ждать в своей комнате в час ночи.

— Оль-райт. А старый цербер-отец?

— Ничего не подозревает.

— А старуха мать?

— Старая леди во всем доверяет своей камеристке, которую я подкупил.

— Молодец, Стенли. Ты способный парень. А теперь пойдем в таверну „Новая Бавария" и промочим глотку добрым глотком абсента. Нам предстоит нелегкая работа.

Рис. А. Радакова

— Софочка, дети, идите сюда! Налетчики пришли!

* * *

Банкир Я. М. Дантончик, хозяин трикотажного предприятия „Собственный труд", занимал на правах застройщика отдельную квартиру во дворе того же дома, где жили друзья. Перед дверью банкира злоумышленники надели сделанные из трусиков маски. Василий Заец тяжело вздохнул и постучал в банкирову дверь.

— Кто там? — послышался за дверью взволнованный голос.

— Обыск, — хрипло сказал Василий.

Дверь раскрылась, и на пороге появился ликующий Я. М. Дантончик в сиреневых подштанниках.

— Пожалуйста! Входите! А я уже испугался. Думал, опять от фининспектора... Ссфочка! Дети! Не плачьте! Это с обыском.

— Руки вверх! — сказал Стенли.

— А-а-а, так вы налетчики? — радостно воскликнул Дантончик.

— Н-налетчики, — прошептал Стенли.

— Софочка, дети, идите сюда! Скорее! Налетчики пришли! Смотрите, смотрите, вот живые налетчики! Видите? Смотри, Адольф, это налетчики, о которых я тебе говорил... Это мой младший сын. Он родился у меня между пятнадцатым и последним налетом, — он тогда был еще маленький... Ну, шаркни дядям ножкой! Он у меня будет скрипачом!.. Садитесь, пожалуйста. Софочка, дай людям печенье...

— Где деньги? — нервно спросил Василий Заец.

Дантончик с грустью посмотрел на ночных пришельцев и сделал рукою широкий гостеприимный жест.

— Вот, прошу убедиться.

Друзья оглядели комнату и с ужасом убедились в том, что вся мебель Я. М. Дантончика, начиная с письменного стола и кончая граммофоном, была снабжена красными сургучными печатями.

— Не выдержал налогов, — хихикнул хозяин, — а? Как вам это понравится?.. Куда же вы?.. Посидите, поболтаем...

* * *

Ночь приключений подходила к концу. Предстояло самое сложное и ответственное приключение — похищение Нюрки у деспотических родителей.

— Поспешим! — воскликнул Василий Заец, — маленькая Вероника наверное ждет нас с нетерпением. А до Вшивой горки не менее пяти морских узлов пути.

— Есть, капитан! — ответил верный Стенли.

Подходя к дому, в котором жила Нюрка Брызжейко, Василий сказал:

— Поклянись, Стенли, что тайна окутает похищение маленькой Вероники и ни одна душа в мире не узнает этой тайны. Имей в виду, что в противном случае цербер-отец подошлет ко мне наемных убийц, а Веронику заточит в монастырь!

— Клянусь, капитан.

— Поклянись островом сокровищ! — придирчиво сказал Василий.

— Клянусь островом.

— То-то. Теперь идем.

У стены, через которую друзья по заранее намеченному плану должны были тайно перелезть, стояла лестница.

— Небо благоприятствует нашему плану, — воскликнул Василий Заец, — лестница подвернулась нам как нельзя более кстати.

Среди ночной мглы светилось только одно окно второго этажа.

— Она там! Где веревка?

— Чч-орт! Забыл дома.

В ту же минуту к ногам похитителей упал конец сделанной из простынь ленты.

— Какой-то неизвестный, но благородный друг содействует нашему плану, — прошептал энергичный Стенли. — За дело!

Василий схватился за простыню, неуклюже повис в воздухе и задрыгал ногами.

— Вы, молодой человек, ножку мне на плечо поставьте. Ничего, что запачкаете. Я потом вытру, — раздался чей-то скрипучий голос.

Из темноты выдвинулась мрачная тень.

— Вы наш добрый гений? — спросил Стенли.

Ночной пришелец утвердительно кивнул головой. В этот момент лента оборвалась, и Василий мягко шлепнулся на землю.

— Т-с-с. Тише... — сказал незнакомец, — идемте через черные ход, а то так и голову проломить недолго. Идемте, молодой человек.

— Скоро вы там? — нетерпеливо спросил женский голос сверху.

— Сейчас приведу, Нюрочка. Держитесь за меня, молодые люди, а то ничего не видно...

Маленькая Вероника ждала Реджинальда с явным нетерпением. В руке у нее была корзинка. Под мышкой — чулочно-вязальная машинка.

Василий Заец с чувством потряс руку незнакомца.

— Я обязан вам жизнью. Вы мой доброжелатель.

— Это верно, что я доброжелатель, — прошамкал незнакомец, — кто родной дочке добра не желает? А я со своей стороны даю чулочно-вязальную машинку. И комод. Почти новый. Живите. Чего там. Я ничего не имею... Теперь такой народ пошел... Не хотят жениться, и все тут... К-куда же ты?! Стой!!

Василия Заеца настигли в саду. Бесстрашный капитан отбивался от старого цербера руками и ногами. Даже пытался укусить свирепого родителя за ногу.

— Теперь не уйдешь, — сказал родитель укоризненно, — женись, сукин кот.

* * *

Василий Заец зажил тихой жизнью плантатора. О грехах прошлого старался не вспоминать.

Евгений Петров

Рис. Н. Радлова

КАК ПОДПИСАЛИ-БЫ ЭТОТ РИСУНОК НАШИ САТИРИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ?

„БУЗОТЕР":

К АНГЛО-СОВЕТСКИМ ОТНОШЕНИЯМ

1-й бизон: — Почему ты так сильно бежишь? У тебя может быть разрыв сердца.
2-й бизон: — Я привык к разрывам.

„КРОКОДИЛ":

ТОЖЕ ПАЙЩИКИ

— Куда спешит это стадо?
— Оно спешит в магазин, чтобы купить золотые часы в подарок уезжающему заву.

„БЕГЕМОТ":

СТАДНОЕ ЧУВСТВО

— Почему среди этих бизонов нет ни одного бегемота?
— Потому что он весь разошелся!

„ЛАПОТЬ":

ГОРЕ-СМЫЧКА

— Вот так и придется бегать, покедова наши шефы нового трахтура не пригонють!

„ПУШКА":

ГРИМАСЫ НЭПА

В доме № 24 по Обводному каналу испортились фановые трубы.

1-й бизон: — А Иван Иванович опять деньги просадил во Владимирском клубе.
2-й бизон: — Придет время и его просадят!

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

Еслибы „поседевшему в боях" бухгалтеру пришлось дать отзыв о всесоюзном празднике физкультуры, он, говоря о духовых оркестрах, не забыл-бы упомянуть об их инвентаре или реестре.

Но странно, что такой подход к празднику физкультуры мы встречаем у... поэта.

Осип Колычев („Прожектор" № 16) в стихотворении „Парад" пишет:

Цветистое раздолие парада,
Оркестр колес
и духовой оркестр,
Твой инвентарь блистателен, как надо,
И выписан, как должно, твой реестр.

Подведя этим строкам баланс, можно сказать, что поэтический инвентарь Колычева не так „блистателен, как надо"...

*

„Плевать, как известно, строго воспрещается. Особенно — на читателя".

Так мы закончили нашу заметку о „Бузотере", который поместил рядом два рассказа, один из которых кончался словами: „Он раздраженно сплюнул и, не попрощавшись, повернулся спиной", а другой рассказ заканчивался так: „Чехвостов сплюнул и повернул в обратную сторону".

В последнем, 32 м, номере „Бузотера" мы снова встречаем знакомую развязку:

— Поищи дурака-то!—с гордостью произнес Колька и сплюнул.

Братья-писатели! Берегите ваши плевки. За них „Бузотер" деньги платит.

*

„Советский Экран" дает следующую характеристику кино-артиста Торренса:

Его физический облик, это массивное огромное тело, точно высеченное из одного куска дерева, выдает в нем злодея с головы до пят.

Нехорошо поступил „Советский Экран" с Торренсом: хорошего артиста — чурбаном обозвали!

ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Вы собирались провести вечер с любимой женщиной, вы предупредительно оповестили знакомых о том, что уезжаете на дачу и будете не раньше понедельника.

На последние деньги вы купили каких-то конфет, фруктов, вина; вы с необычной тщательностью убрали комнату и даже заменили сломанный в прошлом году еще колпачек на лампе цветной бумагой.

Вы сделали все, что делают в таких случаях. Вы знаете, что никто вам не помешает, что вы проведете чудеснейший вечер с любимым, наконец-то согласившимся навестить вас человеком. Вы нетерпеливо ходите из угла в угол, ежеминутно смотрите на часы и, нервничая, ждете звонка.

Но вот в передней — звонок. Два раза! Это — к вам! И это, конечно, она!

Вы радостно распахиваете дверь и видите перед собой трижды антипатичное лицо вашего знакомого.

„Чтоб тебя разорвало", в сердцах думаете вы, но с деланной радостью говорите:

— Сколько лет, сколько зим!

— А я, знаете, на огонек,— невинным тоном говорит ваш знакомый. — Поглядел на окна и думаю: — дай зайду...

„Хоть бы ты ноги себе переломал, пока взбирался по лестнице",— огорченно мелькает у вас в голове.

Вечер почти испорчен. Ваш знакомый вам нужен сейчас, как собаке пятая нога, как нэпману фининспектор. Вы решительно не хотите, чтобы он застал у вас ожидаемую вами гостью. В довершение всего, вы вспоминаете, что зашел он к вам не зря; что не то с прошлой зимы, не то с лета вы должны ему пятнадцать рублей, взятых под честное слово до пятницы.

„За деньгами пришел, сукин сын", злобно соображаете вы и приветливо говорите:

— А я, представьте, соскучился. Чего это, я думаю, Александр Максимович не приходит.

— Не Александр Максимович, а Алексей Михайлович,—деликатно поправляет знакомый.—И я, знаете, заскучал...

Взгляд его падает на конфеты. Вы вдохновенно, но путанно врете о вчерашних именинах соседа, от которых и остались и эти конфеты, и вино, и вот эта нетронутая еще ваза с фруктами. Вы поспешно предлагаете ему чай, смутно еще надеясь, что он откажется.

Увы! Он остается. Вы проводите вечер с ним; пришедшую, наконец, гостью трусливо выпроваживаете через черный ход; вы с трудом справляетесь с приступами острого бешенства и все-таки любезно поддерживаете разговор.

Ваш знакомый вас ненавидит не меньше, чем вы его. Право, ему нужны не вы, не ваш чай, а 15 рублей. Если бы не они, он бы и не зашел.

Но он ни словом не обмолвится о вашем долге и уже, уходя, страшно настойчиво и почти со слезой зовет вас заходить запросто и по возможности ежедневно.

Все это — называется дипломатией. Но для вас такой вечер только роковая случайность. У людей же, профессионально связанных с дипломатией, в этом — вся жизнь. Каково же им, горемычным!

* * *

Я не назову страны, в которой все это было. Не назову и фамилий тех, с кем произошла эта неприятная история. Причины подобного умолчания — ясны...

Я подошел к зеркалу. Прямо в упор глядел на меня человек вполне европейского типа, безукоризненно одетый, в отличном фраке, в ослепительном белье и с безупречнейшим пробором на голове.

Я еще раз оглядел себя в зеркале, смахнул пушинку с отутюженных брюк и нерешительно направился к двери. С порога, беспомощно шаркая ногами, навстречу мне медленно двигался совершенно седой старикашка в черном сюртуке, с какой-то звездой под лацканом и с ослепительным цилиндром в руке.

Я узнал его без большого труда. Это был — министр.

Я, как идиот, пошел навстречу ему, как идиот, молча пожал протянутую мне руку и молча же поклонился. Министр деликатно чихнул, высморкался и снова отвесил поклон. Я ответил тем же. Он вяло пожевал губами, снова отвесил свой чудовищный поклон и, шамкая, сказал:

— Сэр!

— Сэр,— как попугай, повторил я.

— Сэр,— снова сказал он.

— Сэр,— эхом откликнулся я.

— Сэр,— начал он в третий раз.— Его величество король поручил мне приветствовать в вашем лице...

Я сделал самое глубокомысленное лицо, на которое был способен, и терпеливо выслушал получасовую речь.

Я точно не помню, о чем говорил этот шамкающий старикашка. Кажется, он скрипел о дружбе двух государств, о наилучших чувствах, о взаимном доверии и еще о чем-то...

Но странное дело! Чем нежнее и приторнее делалась его речь, тем острее чувствовал я скрытую за ней, тщательно спрятанную злоба и ненависть ко мне, к нам, ко всему тому, чему он свидетельствовал сейчас свои наилучшие чувства.

Острое раздражение охватывало меня все сильней и сильней. Я должен был ответить.

— Сэр,— с трудом сдерживаясь, начал я: — рабоче-крестьянское правительство поручило мне передать вам, что его величество король..

Кровь внезапно бросилась мне в голову, огненные круги пошли перед глазами.

— ... Передать, что его величество король, неожиданно для себя закончил я,— старый идиот...

— Сэр! — побагровел старикашка и сразу раздулся, как детский, воздушный шар.

— Да, да, старый идиот, которому место в музее! — неистовствовал я.

— Сэр! — слабеющим голосом пролепетал министр и сморщился, как лопнувший шар.

Битый час я приводил его в чувство. Я вылил на его плешивую голову целый графин воды, я тряс его так, что слышно было, как щелкают его старческие позвонки.

Наконец, он открыл глаза.

— Сэр! — умирающим тоном простонал он.

Я бросил его в кресло, хлопнул по костлявой спине и грозно сказал:

— Сиди!

Он испуганно заморгал глазами; блестящая слезинка повисла на его розовой щечке. Я налил вина.

— Пей! — приказал я.

Он поперхнулся, неистово закашлялся, но все-таки выпил. Я налил новый стакан. После третьего он несколько успокоился и как-будто повеселел.

После четвертого он счастливо улыбнулся.

— Слушай, старик,—смягчившись сказал я,— давай говорить начистоту.

— О иес,—поспешно согласился он.

— Только чтоб никаких дипломатий. Понял ты? Не выношу. Сознавайся, врал?

— О иес, врал,—печально подтвердил он.

— И насчет дружбы двух государств врал?—допытывался я. — И о взаимном доверии врал?

— О иес, о иес! — огорченно кивал он.

— То-то! А зачем врал? Зачем дипломатию разводил? Небось, нефти хочется?

— О иес, нефти, — окончательно сказал он и украдкою облизнулся.

— То-то, что нефти! А этого не хочешь?

Я поднес к его носу соответствующую комбинацию из пальцев. Он захныкал снова.

Впрочем, еще через несколько минут мы окончательно договорились. В конце-концов, он оказался даже не вредным старикашкой. Мы, право, превесело провели вечер. Вдобавок я, кажется, сагитировал его.

— А ведь его величество-то старый дурак! — прощаясь, подмигнул я ему.

— О иес, старый дурак! — согласился он и тут же свалился и захрапел.

Вернувшийся из театра полпред долго не мог понять, в чем дело. А когда понял, совершенно рассвирепел. И нужно ли прибавлять, что назавтра же я потерял свое место — превосходное место официанта полпредства.

И. Свэн

СОВРЕМЕННЫЕ СКАЗКИ

Рис. Н. Радлова

Скатерть - самобранка.

РОМАН С ПРИКЛЮЧЕНИЯМИ

Писатель Николай Весенний, стремленьем к славе обуян, засел в одно из воскресений за изумительный роман.

Писал его не две недели, писал не месяц,—целый год! В работе быстро дни летели — стрелой неслися дни и вот...

Роман готов.

В нем наше время. В нем быт советский, быт густой; он изумителен по теме. А по манере — Лев Толстой!

— Толстой? Так значит приключений в нем нет?— мне зададут вопрос.

Сейчас!

В холодный день осенний писатель Николай Весенний роман в издательство отнес.

— Прочтем. Зайдите в ту субботу!— так секретарь ему сказал.

И он, за новую работу засев, семь дней ответа ждал.

— Простите. Рецензент, бездельник, не прочитал. Ну, не беда. Через неделю в понедельник!

Через неделю, как всегда.

— Ах, извините! Кто-то болен, кого-то нет, не прибыл в срок.

Весенний очень недоволен.

— Зайдите дней через пяток.

К несчастью, время не летело, оно ползло, как рак в песке.

Весенний с горя бросил дело и тихо плакал в злой тоске.

Но наконец!

На свете этом, в утеху страждущих сердец, как то отмечено поэтом, всему бывает свой конец.

Но наконец ему сказали:

— Товарищ, сядьте. Ваш роман три машинистки прочитали и все... заметьте, все сказали, что неудачен общий план. И кроме них (в видах проверки), чтоб подкрепить сужденья их, его читал товарищ Лерке — сестры помбуховской жених.

И что ж? Весенний огорошен. А секретарь спокойней пня.

Он говорит: — Роман хороший, но вне сегодняшнего дня. Вот сотня пунктиков — безделка! Мы вам трехдневный срок даем и после вашей переделки роман к изданию берем.

Домой пришел писатель гневный, но поостыл и свой роман он положил на срок трехдневный в пустой дорожный чемодан.

Потом вернул. Ему сказали:—Вот молодчина! Точен, скор! По сто целковых подписали за лист с Весенним договор. И на романе написали:

„Незамедлительно в набор“.

Весенний парень не богатый. Любого прочего бедней... Но в договоре: пунктик пятый—расчет через пятнадцать дней.

О, день заветный. Денег масса! Смотри смелей на белый свет!

Но почему закрыта касса?

Но отчего кассира нет?

Увы! Надежды потускнели и на душе печали тень. Издательство на две недели отсрочило платежный день.

Весенний в тишине мечтает:

— Мы подождем, зато, не зря!

И дни идущие считает по листикам календаря.

И вот:

Над кассой в желтой раме висит бумажка, а на ней семь слов:

„Расчеты с авторами отсрочены на двадцать дней“.

А дальше?

Мы, в архивной пыли порывшись, отыскали след: ему до гроша заплатили, но... векселем на десять лет.

В карманах пыль, а в сердце рана.

Прошли недели, минул год.

Весенний выхода романа, терпение теряя, ждет.

Беда идет не понемножку. Она стремительна, как шквал.

Художник задержал обложку.

Редактор правку задержал...

— Ну как дела насчет романа?

И на вопрос такой ответ:

— В пределах годового плана ему к несчастью места нет. Он выйдет... выйдет, но не скоро... Зачем ругаться? Малый прок. Мы на основе договора имеем... трехгодичный срок.

Писатель Николай Весенний! Знаком любому жребий твой:
Роман, хотя бы бытовой, не издадут без приключений!

Андрей Иркутов

ЧИСТАЯ ОПЕРЕТКА

Рис. Б. Малаховского

Ночные наслажденья
Сулят нам приключенья.

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ ФИЛЬМА

Был Ваня парень трудовой и честный.
По вечерам „боевики“ глядел.
Пред ним мелькали в ленте интересной
Герои авантюр и „мокрых дел“...

Он был поклонник каждой фильмы громкой.
„Искусством“ тем зажегся юный дух.
Он сам вчера... залез к кому-то с фомкой,
Как Конрад Вейд в картине „Чортов нюх“!

Аргус

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Курган — Саше Македонскому.

По ошибке я родился,
По ошибке начал жить,
По ошибке я женился,
По ошибке стал плодить...

Что ж вы не договариваете, Саша?

„Стал плодить“ никому ненужные куплеты.

Казалинск — И. Землянскому.

И. Землянский прислал нам трогательное стихотворение под заглавием „Евлампий Надькин путешествует“. Вот самое интересное место:

Подходит он к реке в тоске,
Было это на Москве-реке.
И тут, собравши свою прыть,
Хотел Москву-реку он переплыть.
Но вдруг — о горе — он пропал —
Акуле в пасть ведь он попал.
Она его ведь проглотила,
Но ведь ничто не повредила

Кто же поверит тому, что в Москва-реке помещалась акула?

Вся Москва-река в одной акуле поместиться может!

Ст. Слюдянка — Нечаеву.

Нечаеву не нравится наш „Почтовый ящик“.

> Редакция журнала „Смехач“ в почтовом ящике грубо отвечает по поводу неудачных произведений. Почтовый ящик в журнале должен быть более вежливым.

Эх, попасть бы Нечаеву в Китай! Тамошние редакции по поводу непринятых рукописей пишут так:

> „О, самый румяный луч восходящего солнца! Ваше прекрасное произведение пера, присланное в нашу ничтожную редакцию, оказалось столь гениальным, что мы не решились напечатать его на недостойных страницах нашего журнала“.

Издатель—«ГУДОК». Отв. редактор—И. Н. Пирогов.

Главлит № 96.600. Отпечатано в 7-й типографии «Искра Революции» Мосполиграф. Москва, Арбат, Филипповский п., 11. Тираж 110.000.

ПЕРЕД КАРНАВАЛОМ

Рис. Ив. Малютина

МУССОЛИНИ:—Я собираюсь надеть сегодня костюм разбойника.
ЖЕНА:—Ты с ума сошел! Тебя моментально узнают!..